

ВСЮ ЖИЗНЬ — СЦЕНЕ

Мастера культуры

Распахивается занавес, и глаза слепит яркий теплый свет утреннего летнего леса. Два актера, два странника медленно идут навстречу друг другу. Появление одного из них неизменно вызывает в зале аплодисменты. Ильинский — Счастливец! На него в этой роли ходили смотреть еще театралы двадцатых годов в театр Мейерхольда. Позже один из корифеев Малого — Пров Садовский — назвал его лучшим Счастливецом, с которым ему когда-либо приходилось играть. И вот он опять перед нами — идет себе по лесу маленький, с узелком через плечо, в черной, выдавшей виды испанской шляпе, безвестный комик Аркашка Счастливец. Удивительная походка: смешная такая, чуть подпрыгивающая и все же полная собственного достоинства.

«Лес» Островского — последняя по времени работа народного артиста СССР, Героя Социалистического Труда Игоря Владимировича Ильинского в театре (он является и режиссером-постановщиком этого спектакля). Зрители, пришедшие на спектакль, на целый вечер погружаются в атмосферу событий, происходивших много лет назад в усадьбе помещицы Гурмыжской «Пеньки». Сочувствуя героям пьесы, хочется то плакать, то смеяться; три долгих действия — а это уже непривычно, теперь редкий спектакль — кончается позже десяти вечера, — не утомляют, а захватывают, и, покидая зал, уносишь с собой ощущение некончившегося праздника...

Сегодня мы ходим в театр «на Ильинского», грустим оттого, что в кино последний раз видели его очень давно, откладываем все дела, если знаем, что вечером он появится на телевизионном экране. Сегодня у нас написана не одна книга. И тем не менее не все, конечно, знают Ильинского — не блестящего актера-волшебника, которому, кажется, все на свете удается, а неутомимого художника, успех которого складывался из острой неудовлетворенности, сомнений и трудного, упорного поиска своего места в искусстве.

На протяжении многих десятилетий Ильинский пользуется неизменной зрительской любовью и призывательностью. А между тем дистанция от восторженных оваций до полного забвения для многих актеров бывает очень короткой. Тогда они сетуют на качество роли

или пьесы, на вкус режиссера или публики, и гораздо реже — на качество своего искусства, на отсутствие собственного вкуса к поиску, к открытию, к работе «до седьмого пота».

Нередко бывает: молодой актер, ставший популярным, живет лишь на то, что когда-то действительно было открыто в муках, но теперь уже превратилось в штамп и потому неинтересно. Не у каждого хватает мужества понять, что успех у зала — еще не гарантия творческого роста и что нужно чаще спрашивать себя: зачем я выхожу на сцену и изменится ли что-нибудь от того, что вместо меня выйдет другой...

— Самое страшное для любого художника — отстать от жизни, остановиться на достигнутом, — говорит Игорь Владимирович Ильинский.

В его кабинете много книг, тишина, и актер во время нашей беседы удивительно серьезен, не похож на того веселого, добродушного, чуть с лукавинкой в глазах человека, которого зрители привыкли видеть на сцене и на экране.

— Сегодня никого не удивишь совершенной техникой, безукоризненным мастерством, — продолжает он. — Необходимо глубоко раскрыть в спектакле человеческую душу, принести зрителям важную для них мысль. Поэтому актер должен хорошо знать, чем живут люди, пришедшие в театр, он должен уметь откликнуться на их чувства, заботы, открыв и свою собственную позицию.

Думаю, что в людях, сидящих в зале, Ильинский-актер прежде всего вызывает радость: оттого, что происходит это необъяснимое, сверхающее, захватывающее действие — театр. А потом уже — смех, боль, другие чувства, которые всегда в избытке сопутствуют жизни его героев.

Молодой Ильинский ошеломлял своим азартом, непотомным желанием играть, фантазировать. Одна из самых первых его ролей состояла из нескольких слов, сообщавших о появлении «царя обезьян» Обезьяна великого». Актер стремительно выбежал, становился на колени, потом на оба, стучал головой об пол при каждом слове — и за несколько минут складывалось полное представление о комически-помпезной фигуре обезьяньего повелителя, хотя сам он еще и не выходил.

Конечно, в этом было и чрезмерное увлечение сценической формой, и характерное для того времени желание во

что бы то ни стало поразить. Но главное — способность абсолютно раскрепоститься, явить миру образ новый, неожиданный, не похожий ни на один прошлый, умение «заразить» действием — осталось навсегда. Из той поры пришли к нам неповторимые Бабанова, Охлопков, Штраух, Гарин — актеры глубоко театральные по самой своей природе.

Эксцентричный трюк всегда был для Ильинского производным от стремления найти «общечеловеческое выражение роли», говоря словами Гоголя. Ему — сложившемуся актеру-комику, неподражаемому Брюно в «Великодушном рогоносце», Аркаш-

ке в «Лесе» — Мейерхольд хотел дать роль Бориса Годунова...

А между тем многие режиссеры, особенно в кино, чаще всего использовали «привычного» Ильинского. Он как мог «бунтовал» против этого. Читал, например, с эстрады Гоголя и Толстого — и страдал оттого, что на первых порах часть публики, которая привыкла хохотать до упаду, глядя на его игру в кинокомедиях, в концертном зале скучала и недоумевала.

Почему мы часто бываем убеждены в том, что вот этому — быть только героем, а тому — злодеем? Упрекаем за штампы артистов и ленимся бороться со штампом собственного восприятия.

К счастью, Ильинский сыграл в театре за свою жизнь много серьезных, разноплановых ролей — это Хлестаков в «Ревизоре», Счастливец (три редакции!) в «Лесе», Юсов в «Доходном месте», генерал Крутицкий в пьесе «На всякого мудреца довольно простоты», Фома Опискин в «Селе Степанчи-

кове»... Наконец, Аким во «Власти тьмы» Толстого — общепризнанный шедевр актера. Но, несомненно, художник хранил, да и хранит в себе еще много образов увлекательнейших, насущно всем нам необходимых, но так пока и не увидевших свет рампы. И в кино, где актер блистательно импровизировал на немом экране, позднее показал нам неподражаемых, но столь узнаваемых бюрократов Бывалова и Огурцова, он так и не встретил своего кинематографического Акима...

— Наступает момент, — рассказывает Игорь Владимирович, — когда надо или постараться превзойти самого себя, взять новую высоту, или отказаться от съемок. Те сценарии, с которыми я в последнее время знакомился, возможности для новой, серьезной работы, увы, не давали... К счастью, довольно прочная творческая связь установилась у меня сейчас с телевидением. Искусство «малого экрана» привлекает прежде всего тем, что позволяет разговаривать «по душам» сразу с очень многими людьми. Мне удалось экранизировать почти все программы своих литературных концертов, сняться — причем сразу в 25 ролях — в фильме «Эти разные, разные, разные лица», поставленном по рассказам Чехова.

Неудовлетворенность Ильинского-актера, страстное желание художника воплотить еще не высказанное, хотя давно уже осознанное и выстраданное, даю нам Ильинского-чтеца в Ильинского-режиссера. Он стал признанным исполнителем произведений Гоголя, Толстого, Чехова, создав свой, неповторимый «театр одного актера». Поставил на сцене Малого театра «Ярмарку тщеславия» Теккерея, «Госпожу Бовари» Флобера, «Ревизора» Гоголя. И вот — «Лес»...

Споры вызывает избрательное решение новой постановки. Для режиссера оно всегда имело принципиальное значение — в «Ревизоре» он использовал в качестве первого занавеса огромное старинное зеркало, в «Ярмарке тщеславия» сцена представляла собой вертящуюся карусель на «ярмарке житейской суеты». В «Лесе» действие «вставлено» в раму падуг и кулис с кистями, как будто разыгрывается оно очень давно, ну, скажем, во времена самого Островского. А на сцене — живописные, также сделанные в старинной манере декорации.

Кто-то говорит: «Несовременно». В самом деле, здесь не приходится ломать голову, где и когда разворачиваются события, как на спектаклях иных «ультрамодных» режиссеров. Вглядитесь: лес на сцене, кажется, дышит — солнцем, привольем, птичьими голосами... Образ его рождает настроения приподнятое, праздничное, и оно уже не исчезает до конца.

Вспоминая о первом своем выступлении в роли Аркашки Счастливеца в театре Мейерхольда, актер рассказывает: «То было время плаката, преувеличения, и оригинальное, смелое, хотя и не лишнее псевдодовождение прочтение Островского пришлось по душе зрителям. Уверен: сейчас Мейерхольд поставил бы «Лес» по-другому. Театр — это тепло и жизнь на сцене, условность его должна прежде всего нести большую поэтическую силу. Сегодня же часто можно встретить и умозрительную, я бы сказал, эстрадную условность... От нее устаешь».

Аркашку Счастливеца можно играть очень разное — жертвой, или натурой творческой, преданной искусству, или шутом гороховым... А у Ильинского все эти качества его героя укладываются вместе в одном эпизоде, даже в одной реплике. Причем всего ровно столько, сколько нужно. Может быть, такое умение приходит лишь с годами? Ведь подлинный художник каждое впечатление, встречу, мысль «откладывает» в своей памяти. А сколько их было, этих впечатлений, — и каких разных — за семьдесят с лишним лет...

Огромный, осанистый Несчастливец (Р. Филиппов) и маленький, юркий Аркашка — фигуры, кажется, из театра прошлого века, где уж, если трагик — так непременно величественный и с басом. Но об этом забываешь: уходят со сцены не персонажи — люди, которые нам, зрителям, очень симпатичны и за которых нам больно. Уходит со сцены Ильинский и уносит с собой это необъяснимое, захватывающее чудо — театр.

...Закончилось последнее действие. Артисты не торопятся ответить на аплодисменты. Медленно, под звуки вальса идут они по сцене, движется им навстречу живописная панорама леса. Ильинский благодарит всех участников спектакля. Небольшого роста, усталый актер смотрит в зал...

Н. АГИШЕВА.
Фото А. Канашевича.

Горького в Москве 26 июл. 1975